

Михаил Бабкин

Маскарад

*Часть сборника
Фэнтези – 2008*

Михаил Бабкин

Маскарад

«Автор»

2007

Бабкин М. А.

Маскарад / М. А. Бабкин — «Автор», 2007

ISBN 978-5-457-10730-4

«... Огненные стрелы, миновав Барта, все же нашли себе цели. Одна из тетушек – то ли Мани, то ли Хани – вспыхнула ярким пламенем, став перед смертью такой, какой была на самом деле: костлявой старухой с лысой головой. Вспыхнула и рассыпалась серым пеплом. А неподалеку от сгоревшей ведьмы, на стуле с высокой спинкой, дотлевала гора мелких угольков – остатки кузена Дарца...»
Рассказ из сборника «Фэнтези-2008»

ISBN 978-5-457-10730-4

© Бабкин М. А., 2007

© Автор, 2007

Михаил Бабкин

Маскарад

Окраинный каба́к с дивным названием «Золата́рь» приличные граждане обходили дальней дорогой. Слава у того кабака была худая, неважная и лихая – для законопослушных горожан, разумеется. Для тех, кто не зарабатывал себе на жизнь в рыночной толкучке, шаря по чужим карманам, или же не добывал монеты тёмной ночью на тёмных улицах, с верным другом пружинным ножом. Или подружкой-гирькой на кожаном ремешке.

Разбой в городе, понятное дело, властями категорически не поощрялся – хотя, если разобраться, чем уж таким особенным отличаются «незаконные» воровство и грабёж от вполне законной торговли, ростовщичества или чиновничьего мздоимства? Да, в общем-то, ничем. Только лишь свободой выбора: торговцам и ростовщикам нет смысла пугать зажиточного горожанина звонко выскакивающим клинком или дубиной-кастетом-гирей – и без того деньги отдаст. Добровольно, с улыбкой, без драки и заполошного крика.

Несмотря на постоянную борьбу городских властей с уличной преступностью – круглосуточные жандармские посты на перекрёстках, патрулирование центральных улиц агентами в штатском, регулярные обыски-облавы во всяческих значных заведениях, – каба́к «Золата́рь» оставался тихой гаванью, куда не ступала нога ни одного сыскаря-законника. Потому что, во-первых, мздоимство в жандармском управлении никто не отменял и не отменит; а во-вторых потому, что среди сыскарей не бывает дураков с инициативой – не выживают там излишне рьяные. Рано умирают.

Барт остановился, не доходя до гостеприимно распахнутых по светлому времени ворот кабака, привычно огляделся – не приволок ли за собой кого чужого? Если жандармский «хвост», то и ладно, не жалко, а если случайный раззява, то зачем брать грех на душу... убьют ведь. Лучше шугануть дурака – дать разок в морду, убежит как миленький. И все дела. И никакой мокрухи.

Окраинная улочка с глинобитными хатками – узкая, извилистая, бедняцкая, единственный городской подход к «Золатарю» – заканчивалась неподалёку от жиденкой рощицы, в которой и обосновалось владение Папаши Во, кабатчика и скупщика краденного. А заодно главы местной воровской гильдии, члена тайного суда «по понятиям» и, если верить слухам, умелого исполнителя смертных приговоров.

Предвечернее небо было синим и безоблачным; солнце зависло над голыми верхушками чахлых деревьев, словно опасаясь об них уколоться – верхушки, потеряв от небывалой августовской жары листья, торчали в небо наглыми ветвяными «распальцовками». Будто хвастались невесть чем.

Барт вошёл во двор – просторный, по-хозяйски чистый, с двумя тяжело груженными подводами возле подсобного сарая; быки, разморенные жарой, мирно дремали, не обращая внимания на надоедливых мух. Возле коновязи с поилкой нервно топтался гнедой жеребец, фыркающая и зло дёргая головой – дворовой мальчишка, нагло используя ту поилку вместо ведра, с опаской мыл его щёткой на длинной палке. Процедура коню явно не нравилась.

Судя по тому, насколько запылится-загрязнится жеребец, прискакал он издали и недавно. Видимо, наездник очень торопился по спешному делу, иначе бы не стал гнать своего коня по полуденному зною – а то, что жеребец не казённый, было видно с первого взгляда. Племенной конь, знатной цены...

Барт обошёл жеребца стороной: грязная вода брызгами летела во все стороны, даже вредный мальчишка уже промок до нитки; эхма, того гляди сам перепачкаешься не хуже залётного скакуна! И хоть одёжка рабочая, неброская – серая рубаха с длинными рукавами, мятые штаны неопределённого цвета с кожаным ремешком да матерчатые туфли – однако ж

являться к Папаше Во по деловым вопросам надлежало «в чистоте и с соблюдением опрятности» – как настоятельно рекомендовал Папаша иному неряхе, тыча его мордой в пол, в его же пролитую из разбитого носа кровь. «Если ты ко мне грязней ишака пришёл – значит, меня не уважаешь! Дом мой не уважаешь! В следующий раз я тебя ножом мало-мало резать буду», – но, как правило, до резни не доходило. Хватало и первого мордобойного пояснения.

Собственно, кабак с дурацким названием «Золатарь» был постоянным двором – не для всех, но для многих. Для тех, кого Папаша Во знал лично и с кем решал деловые вопросы оптовых поставок всяко-разного в городские торговые лавки. Конечно же, кабатчик зарабатывал на жизнь не одной лишь перепродажей краденого – иначе как бы он отгрохал эдакую корчму из обожжённого кирпича, с настоящими стёклами в окнах, черепичной крышей и вертлявым серебряным флюгером в виде богини правосудия с двумя гирьками-кистями вместо чашек весов?

Поднявшись по высоким ступенькам – эх, сколько ж народу в нетрезвости с них падало, сколько расшибалось едва ли не до смерти! – Барт толкнул тяжёлую дверь и вошёл в прохладный сумрак кабака.

По ранней ещё поре зал пустовал. За дубовыми столами – изрезанными ножами, с вмятинами от ударов, с чёрными ожогами по струганному дереву – никто не пил, не сквернословил, не заключал выгодные сделки и не бил друг дружку по головам чем ни попадя, хоть оловянной кружкой, хоть табуретом. Тихо в зале было, уныло – но ведь ещё не ночь! Не наступило время народного отдыха и утех.

Лишь трое шулеров неподалёку от входа резались в карты: но играли не на деньги, а для разминки и хвастовства своим профессиональным умением – однако ж убрав ножи и кастеты на соседний столик, от греха подальше; лишь несколько запойных пьяниц сидели в дальнем тёмном углу, мыча хором нечто песенное и непонятное. И, конечно же, безымянный половой за длинным столом-прилавком, сонный от вынужденного безделья, то и дело украдкой зевающий в ладонь.

Ближе к середине зала, у чисто вымытого окна, за щедро накрытым столом восседали двое: Папаша Во – в обязательном парчовом халате, лысый, усатый и толстый, полуприкрытые глазки-щелочки смотрят невесть куда, – а рядом с ним некто в рясе бродячего монаха, ссутулившийся, с низко надвинутым на лицо капюшоном. Барт мельком глянул на соседа кабатчика – знающему человеку порой достаточного короткого взгляда, чтобы понять, кто перед ним находится – нет-нет, к монашеской братии странный посетитель не имел никакого отношения. Барт не смог бы толком объяснить, отчего и почему он так решил, но ведь решил! Возможно потому, что бродячие монахи не сидят как истуканы за столом с бесплатной едой-выпивкой... Опять же, осанка – да где это видано, чтобы монах, которому по определению принадлежит вся обитель человеческая, выглядел столь понуро: нет, эти ребята всегда ходят широко развернув плечи и надменно выпятив голый подбородок. Бродячий монах – прости, Господи! – даже когда оправляется в общественном сортире, выглядит бравым и занимающимся весьма богоугодным делом. То есть гадит не просто так, а прямо в глубинную преисподнюю на голову извечному врагу рода человеческого.

– Приветствую, уважаемый Папаша Во, – Барт остановился возле стола, почтительно склонил голову, – вызывали? Вестовой-беспризорник велел торопиться... Не случилось ли чего плохого?

– Ага. Барт-Красавчик. Наш лучший вор. Явился. – Папаша Во посмотрел на гостя пустым, ничего не выражающим взглядом – не знай Барт того, что кабатчик уже много лет не пьёт ни пива, ни вина, а уж тем более не потребляет *выкуренную* огонь-воду, решил бы, что напился Папаша Во до непонимания происходящего. До отключения души и светлого разума, когда головой управляет обгаженный бродячими монахами сатана, будь он неладен в своей вонючей преисподней.

– Садись, – кабатчик неловко, рывками повёл рукой над столом, словно марионетка, управляемая слабоопытным фигляром-кукловодом, – угощайся. Кушай. Трапезничай. – Барт не чинясь тут же пододвинул табурет, сел напротив; пару секунд Папаша Во смотрел в воздух, туда, где только что стоял Барт-Красавчик и лишь после опустил замороженный взгляд ниже. И принялся глядеть сквозь званного гостя, не видя его в упор.

Барт, не выказывая удивления, приступил к еде: коли Папаша Во сказал «кушай!», значит, надо кушать. Крутой нрав кабатчика был известен всем городским уркам ещё со времён открытия кабака. С давнишнего случая, когда Папаша Во придумал звучное имя для только что построенного заведения, самолично намалевал вывеску «Золотарь» и повесил её над входом в едальный дом – тут кто-то из помощников Папаши и просветил его, что на самом деле означает сие словечко. «Вай», – сильно огорчился Папаша Во, – «а ведь какое, понимаешь, красивое название-шмазвание было!» После чего немедленно прирезал советчика, чтобы тот больше не умничал и не портил его, Папашины, задумки. Переправил в поганом слове букву «О» на «А» и ровным голосом предупредил всех прочих, мол, если ещё хоть одна собака вякнет... Вякать никто не стал – и непонятное «Золотарь» стало официальным названием кабака. Хотя, поговаривают, многие тогда потешались над вывеской, переиначивая её то в «Зола и тара», то в «Углежопа», а то и вообще невесть в какие «Три олатары». Но со временем потешные придумки забылись, а название осталось.

Если Барт и был когда-то красавчиком, то лишь в детстве – сейчас он и сам не смог бы наверняка вспомнить, как выглядел пятнадцать лет тому назад. Ныне, в двадцать пять, «красавчиком» его называли только свои, цеховые: кличка – злая, издевательская, – за давностью лет стала привычной и не напрягающей. Не доставляющей душевной боли.

Красавчик Барт вырос без отца, в нищем и грязном квартале, где мусор и помои выбрасывались-выливались на улицу из окон; где каждый день шла борьба за выживание – и зачастую победителем становится не более сильный, а более хитрый, ловкий и изворотливый.

Мать Барта – прачка при сиротском приюте – на все расспросы сына об отце отмалчивалась; когда же Красавчику исполнилось десять, мать умерла. И потому для Барта навсегда осталось загадкой, кто же был его родителем.

В начале осени того же года, когда Красавчик осиротел, с ним произошла беда. То ли от горя, то ли от наведённой порчи, то ли от какой малоизвестной лекарям болезни лицо паренька покрылось ужасными волдырями и струпьями; к зиме Барт выздоровел, но лик его изменился до неузнаваемости. Выпавшие брови и ресницы, рябь глубоких оспин от лба до шеи, усохшие крылья носа, и, ко всем бедам, навеки синюшная, будто примороженная, кожа – да уж, красавец, чего там говорить... Краше только выкопанные покойники бывают. Месячной давности захоронения.

Нищий квартал располагался возле Блошиного рынка: со временем рыночные университеты сделали из беспризорного Барта того, кем он был теперь – вора-домушника высокой квалификации, умельца по открыванию дверных замков любой сложности. В каком-либо чужом доме, вовсе не зная его планировки, Барт ориентировался словно в собственной, изученной от и до, меблированной квартирке. И обязательно находил запрятанные хозяевами ценности, где бы те ни хранились – хоть в подполе, на дне бочки с соленьями; хоть замурованные в стенной ухоронке, хоть на чердаке, хоть... в общем, не существовало тайников, которые Барт не обнаружил бы практически сразу. Вот потому-то многие из воров считали Красавчика скрытым колдуном-всеглядом и втихую, незаметно плевали ему вослед, опасаясь чёрного сглаза – что, однако, не мешало тем же ворам настойчиво набиваться Барту в подельники. Но Красавчик всегда работал только один.

– Покушал? – участливо спросил Папаша Во, ни с того, ни с сего закатывая глаза, будто у него сердце прихватило. – Ай и славно, – кабатчик заметно покачнулся. – Тут такое дело, Барт-Красавчик... ээ... серьёзное дело, – он передёрнул плечами, со всхлипом вздохнул.

Барт с опаской наблюдал, как ломает и крутит Папашу Во, как по его лысине, лбу и щекам течёт пот – может, кабатчик начал курить запретную дурман-траву и сейчас у него обычная для подобных случаев «тряска»? Вряд ли, в таком возрасте не меняют устоявшиеся привычки. Тем более привычку быть трезвомыслящим.

– Вот, Барт, – продолжал хлопотливо бормотать Папаша Во, продолжая разглядывать потолок и не обращая внимания на то, что праздничный халат у шеи потемнел от пота, – познакомься, это мой друг... ээ... очень, очень хороший друг! Благодетель, да. Издалека приехал, да. Делай всё, что он скажет. У него серьёзный заказ, деньгами не обидит. – Словно утомившись от сказанного, Папаша Во медленно опустил взгляд к столу, закрыл глаза и замер, точно его выключили за ненадобностью. Даже пот по щекам бежать перестал.

– Не обижу, – глухо подтвердил благодетель в рясе, утвердительно качнув капюшоном. – Твой начальник порекомендовал именно тебя, вор, для выполнения сообразного твоему ремеслу поручения. – Мало того, что собеседник говорил едва слышно, но ещё и недостаточно внятно – точно так же говорит балаганный чревоушатель, «оживляя» свою куклу: сквозь зубы и не шевеля губами.

– Что за работа? – подобрался Барт, хотя нечто подобное он и ожидал услышать – зря, что ли, к самому главе городской гильдии вызвали. Причём вызвали срочно: пришлось, увы, бросить затеянную слежку за многообещающей квартирой в доходном доме. Ну да после наверстают...

– Ты, наверное, слышал о том, что вчера умер губернский гранд-колдун, – помолчав, то ли утвердительно, то ли вопросительно прошелестел «монах». Барт кивнул – слышал. Такого рода новости узнаются в городе мгновенно, и не нужно ни глашатаев, ни объявных листков на стенах – молва куда как быстрее официальных сообщений. Особенно если тех сообщений, по понятной причине, не ожидается вовсе: уж слишком демонстративно не жаловал выборный губернатор – человек крайне честолубивый и амбициозный – живущего обособленно главу местных чародеев. Похоже, колдун чем-то ему крепко не угодил... Скорей всего, отказался участвовать в политических интригах губернатора. Или поддерживать его на очередных выборах.

– А ты... ты боишься колдунов? – несколько повысив голос, поинтересовался собеседник в грубо тканной рясе. Вопрос был неуместный, дрянный вопрос, но отвечать всё же было надо.

– Я с ними не встречался, – взвешивая слова, осторожно ответил Красавчик. – Чего-либо плохого от колдунов не видел, да и сам худого им не делал. Более определённо ничего сказать не могу.

– Это хорошо, – «монах» приподнял голову и тут же её опустил, но Барт успел заметить: под капюшоном блеснули странно огромные, словно выпученные от нестерпимой боли глаза. А чуть ниже тех страшных глаз чернел платок, поди разберись, какое лицо у собеседника. «Возможно, у него те же проблемы, что и у меня?» – мимоходом подумал Барт, но спрашивать, разумеется, не стал. Дураком был бы, кабы спросил.

– Значит, не боишься, – прошептал «монах». – Это упрощает твою задачу... Гранд-колдуна похоронили прошлой ночью, а нынешней в его замке будет оглашено завещание. Ты должен поехать на то оглашение и получить кое-что, принадлежащее мне. Выступить вместо меня, понятно? А ежели губернский колдун передумал... если не включил в завещание обещанное, то выкрасть его. Обещанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.